

Фото Андрея Лыженкова

**Ольга Подъёмщикова
(1961–2000)**

«Твой дальний свет...»

Настоящие встречи этого поэта с читателем начались, когда новый век, в котором Ольге Подъёмщиковой довелось пожить всего лишь меньше года, — уже разменял свой второй десяток. Именно тогда в журналах и альманахах начали выходить подборки её стихотворений: «Небесные жители», «Не давая клятв и обетов...», «...Что не знают перо и бумага»,

Мне всегда казалось, что её лирическая героиня, сочетающая безоглядную энергию некрасовской «величавой славянки» и пылко-вдохновенную жертвенную готовность жить для других, — пришла сюда из какой-то реликтовой, замолчанной, забытой эпохи. Бесконечно погружённая в беды и проблемы современности, — а в «гражданской жизни» Ольга была легендарным журналистом, — она тосковала по тем ушедшим временам, которые на протяжении жизни пыталась воскресить в самой себе и в окружающем её мире. Я говорю о временах красоты и чести.

Разгадывая свои родовые семейные легенды, Ольга словно бы наполняла летучие пушкинские строки о любви к родному пепелищу, к «отеческим гробам» — «животворным», священным смыслом.

Одной из последних её забот стала газета «Тульские епархиальные ведомости», которую она превратила в журнал. В те же годы она занималась подготовкой к канонизации святых угодников и мучеников Русской Православной Церкви, помогала восстанавливать разрушенные советской властью храмы...

Ольга прожила очень короткую жизнь, — что такое 39 лет? А успела много. И — в своём творчестве (посмертные публикации, подготовленные её мужем, поэтом Андреем Коровиным, подтверждают это), и в повседневном служении. На вечерах её памяти непременно вспоминают, сколько и сколько Ольга Подъёмщикова буквально спасла — начиная от солдат, попавших под «дедовщину», до гибнущих памятников культуры. Духовное преображение, случившееся с нею внутри её тяжёлой профессии, стало естественным и символическим.

Стихи пришли к ней как отдушина, стали заветным, исповедальным, лирическим дневником. Единственную и посмертную книгу Ольги — «...Явись мне отблеском мгновенным» — собрали её верные друзья. **Ф.**

Павел Крючков,

заместитель главного редактора журнала «Новый мир»
Рисунок **Марии Заикиной**

Обратимся к угодникам Божьим.
Подорожником вылечим раны.
Ты меня спать пораньше уложишь,
поутру мы поднимемся рано.

И Пасхальная песнь будет литься,
в моем храме откроются двери.
Я о нас с тобой буду молиться
и в любовь твою, может, поверю.

Я по-детски держу твою руку.
Наши души привыкли к скитаньям.
Волшебством нашим даже разлука
превращается в тайну познания.

Вот и вечер — темно и терпко,
запах моря и шум дождя.
Пусть подсохнет — и фейерверка
мы дождемся, чуть погоды.

Одинок бредут старухи,
и для каждой туманна даль.
Вы не знаете — ходят слухи,
что приедет к нам Государь?

А оркестр так играет нежно.
По аллее пройдем смеясь:
— Что вам надобно? Ах, надежду...
Кто ж её отбирает, князь?

Как приятно считаться взрослой
(белым облаком проплыви!).
Как приятно смотреть на звезды
и почти что не знать любви.

И семнадцатилетней феей
в сад выглядывать на заре.
И Всевышнему Богу верить.
И не ведать об октябре.

* * *

О Господи, прости меня безвестной —
лесной тропой или бродячим псом.
Дай я пройду Твоим сосновым лесом
и к храму обращусь ещё лицом.

О Господи, прости меня смиренной,
игрушкой, кем-то брошенной в саду,
где под дождем продрогшие деревья,
где я своё пристанище найду.

О Господи, прости меня забытой —
тот дом снесён, тропинки больше нет —
за стёклами, за стенами, за бытом
хранящую в глазах Твой дальний свет.

* * *

Когда я умру и меня похоронят с ней рядом —
той тихой могилкой, где спит моя бедная мама,
когда мы с ней станем травой, землёй, листопадом,
весёлым кустарником, скрытым от ветра и взгляда,

тогда, отдохнув, распрямив свои тонкие руки,
я к ней потянусь через землю, как тянутся дети,
деревья — корнями, сквозь камни мы тянемся
в муке, сольёмся, сплетёмся — на том ли, на этом ли свете...

И так, обнимая её и шепча о любви ей,
услышу, как дышат века, загораются звёзды,
услышу шум сердца земли, все приливы, отливы,
и шёпот травы, и влюблённых, и детские слёзы...

Над нами снега пролетят и колосья поспеют.
Мы будем молиться, небесные слушать хоралы.
И я расскажу, что при жизни сказать не успела.
И я обниму, навсегда обниму мою маму.

* * *

В моей квартире живы лишь часы.
Их слабый пульс поддерживает стены
бумажные. Здесь, на краю вселенной,
песок минут струится на весы.

Моей вселенной улицы темны,
и тротуар их шаток и непрочен,
и из домов выходят только ночью
бессонные жильцы моей страны.

Их силуэты зыбки — только тень,
и голоса — лишь отзвуки, обломки
далёких фраз. И наступивший день
оставит нам вопросы, недомолвки,

свет фонарей и шёпоты дождя,
движенье звуков, смутные намёки...
Уходим. Боже, как мы одиноки,
и как мы совершенны, уходя.

* * *

И теперь, подойдя к итогу,
к завершенью своей любви,
я опять обратилась к Богу —
и Господь мне сказал: живи!

Я едва поднимаю руки,
перешагиваю порог,
неужели на эти муки
Ты оставишь меня, мой Бог?

На Тебя возроптать не в силах,
я с тоской гляжу в небеса.
Здесь — любимые есть могилы.
Здесь — далёкие есть леса...

И с печалью о дне и хлебе
Ты оставил меня во мгле.
Только близких людей на небе
много больше, чем на земле.

По часам свою жизнь итожу,
зажимаю ее в горсти.
Ты прости меня, милый Боже!
Ты прости меня, Ты — прости.

